

Н. И. Ахметова, старший преподаватель

Оренбургский государственный педагогический университет

E-mail: nad65@list.ru

Оренбургский край: начало истории географического и картографического освоения

В статье излагаются причины и события, давшие толчок началу освоения юго-восточных рубежей России в тридцатые годы XVIII в. Дается анализ проектов И. К. Кирилова — обер-секретаря Правительствующего Сената по изучению и освоению Оренбургского края. Изложена история начального этапа деятельности «Известной экспедиции», а также работ по картографированию вновь присоединенных территорий. Одним из значимых результатов этих работ стала сводная карта Башкирии, составленная в 1736 г.

Ключевые слова: Оренбургская экспедиция, И. К. Кирилов, карта, башкиры, Уфа, р. Орь, р. Яик, геодезисты, картографирование.

Важное место во внешней политике России петровского времени занимало восточное направление, в котором были тесно переплетены политические, экономические и военно-стратегические интересы государства. Россия стремилась стать посредницей в торговых отношениях между Европой и Азией. Приведение в подданство России народов Средней Азии открывало возможность не только хозяйственного освоения новых территорий, но и усиления политического влияния на Востоке.

Намерение Петра I установить связи и расширить влияние России на страны Азии прослеживается в его собственных высказываниях, программах и предложениях многих государственных деятелей того времени. В 1714 г. Ф. С. Салтыков в проекте «Изъявления, прибыточные государству», poslanном царю, предлагал «построить фортификации в вершинах Яицких, обыскав удобные места при озерах или на речках, сии крепости будут с удобностью в торги с Бухариєю и с прочими, как с Еркентью и Терафа-

ном... а в тех государствах... находятся медь, железа, бумага хлопчатая, овощи всякие, шелк; и велеть в тех местах описать, в какой широте лежат для взыскания всяких минералей, понеже описатели аглинские писали, что есть в тех местах железо, хрустали и прочих драгих камней, только с нашей стороны о том не пробовано» [9, с. 108]. В том же 1714 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин предложил царю пути для овладения Бухарой, богатой золотым песком [3, с. 19]. Известный географ XVIII в. Ф. И. Соимонов в 1722 г. разработал конкретные предложения по налаживанию связей России со странами Средней Азии и Индией [4, с. 105].

В 1724 г. В. Н. Татищев в представлении в Кабинет о причинах башкирских волнений и о мерах по улучшению управления башкирами писал: «Для пресечения, чтоб оные в степи убегать и протчими степными народы соединяся вреду чинить не имели», следует, по примеру царя Ивана Васильевича, который «заключил казанских татар построением нескольких городков по Каме и Вятке рекам», по рекам Яику и Тоболу «построить городки и населить рускими... то б как оных, так Казачьей орды, каракалпаков и других степных народов нападение пресеклось» [11, с. 482—483]. И предлагал проложить почтовую дорогу через территорию Башкирии от Казани в Сибирь и тем самым «со временем не великим крайняя государству безопасность явится» [там же].

Таким образом, в XVIII столетии в правящих кругах России сформировалось устойчивое мнение о необходимости распространения влияния и установления связей со среднеазиатскими странами как средстве решения актуальных внутри- и внешнеполитических задач государства.

Однако ключевую роль в разработке и практической реализации этих планов сыграл Иван Кирилович Кирилов (1695—1737) — обер-секретарь Правительствующего Сената. С 1720 г. съемочные и картографические работы подчинялись непосредственно Сенату, и И. К. Кирилов в

качестве его обер-секретаря по существу руководил государственной картографической службой России. Под его руководством и непосредственным участием в 1729 г. началась работа над созданием трехтомного атласа, который должен был состоять из 120 карт каждый. К сожалению, работа не была завершена. Кирилов успел сделать только 37 карт. Кроме того, в истории российской картографии он известен как автор первой печатной Генеральной карты Российской империи 1734 г.

В феврале 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту о принятии в российское подданство киргиз-кайсаков [15]. Причиной, заставившей хана Младшего жуза Абулхайра обратиться с этой просьбой, была угроза агрессии со стороны Джунгарии, сильного восточного соседа.

И. К. Кирилов предложил использовать присоединение Младшего жуза для продвижения рубежей России на юго-восток — к реке Яику (теперь Урал) и проложить торговые пути через киргиз-кайсацкие владения к восточным рынкам. Яик в среднем течении являлся границей между башкирами и киргиз-кайсаками. Кирилов предложил построить крепость при слиянии Яика с его притоком р. Орью. Ее строительство должно было способствовать укреплению русского влияния среди башкир и киргиз-кайсаков и прекратить их взаимные распри. Кирилов писал, что это дело «весьма нужное... и требует прилежного труда, не пропуская сего счастливого времени» [5, л. 55].

В этой связи И. К. Кирилов в 1733 г. составил и подал в кабинет Ее Императорского Величества проект — «Об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими» [5, л. 30—71 об.]. В своем проекте И. К. Кирилов пишет о состоянии провинций, которые лежат «в Азии между Индии, Хивы и России» и которые «в старые времена великою Тартарию именовались» [5, л. 55]. Он дает подробную (насколько позволяли доступные ему материалы) характеристику этих областей, пишет о населяющих

их народах (образе жизни, вероисповедании, роде занятий), указывает на богатства недр этих мест.

В проекте Кирилов несколько раз ссылается на карты. Характеризуя район Аральского моря, он пишет: «Во оной же провинции, как объявлено и значит в карте под № 2-м, есть золотая руда. Под номером четвертым слюденья горы...» [5, л. 59]. Это дает основание предположить, что к проекту была приложена карта. Подтверждением тому служит ссылка на карту в инструкции императрицы Анны Иоанновны, которая последовала в ответ на проект И. К. Кирилова. В пункте 2-м этой инструкции сказано: «при самом ли устье Орь реки сей город сделать, или посреди той Нерыклы рек ближе к Яику, или по сию сторону Яика, *где в плане высокое место*, окруженное малыми озерами, показано...» (курсив автора) [5, л. 93 об.].

Вероятно, это одна из карт изданного Кириловым Атласа Всероссийской Империи под названием «Астраханского владения часть и калмык российских и их даников: трухменцов кочевье, и с ними пограничных бухарской, хивинской и иных провинций; даже до персидского и могольского владения и озера называемого моря Аралского и знатных рек в него впадающих и из него где в прежния времена течение реки было в море Каспийское: еже все чрез Марку Дубровина бывшего в службе российской морской капитана а случившагося во всех тех провинциях быть в 1729-м году описано: ныне же в российской атлас напечатана коштом обер-секретаря Ивана Кирилова в Москве 1731 г.» [17, л. 21 об. — 22].

И. К. Кирилов намеревался построить торговый и военный город на южной окраине Урала. В выборе места для его строительства пошли навстречу просьбе Абулхаир хана, который пожелал «российскую крепость, близкую к его владению, построить, от которой себе защиты надеется» [5, л. 63 об.]. Убеждая Анну Иоанновну в необходимости строительства нового города, Кирилов писал, что место, выбранное ханом для строительства крепости при впаде-

нии Ори в Яик, есть «самая середина между башкирцами и киргиз-кайсацкою ордою и разделит калмык волжских вдаль от башкирского согласия» [5, л. 63 об.]. Город «весьма нужен не только для одного содержания киргисцов, но и для отварения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх и в Индию (чего император Петр Великий весьма домогался)» [5, л. 75]. Выбранное место «посредственного климату, по широте 52 градуса состоит при самых добрых водах, здоровое, земли к пашне плодородные, черные, лесу и лугов, рыбы, зверя дикого довольно... тут же и соль илецкая земляная самая наилучшая» [5, л. 65 об.]. От этой крепости Кирилов собирался проложить новый путь к восточным рынкам, отсюда, по его словам, «до Аральского озера сухим путем и реками только с 500 верст, и гораздо ближе и безопаснее, как ходят из Астрахани, а озером Аральским и рекою Аму до самой Бухарии и Водокшана и, почитай, до границ индейских судами» [5, л. 75—75 об.]. Раньше, по мнению Кирилова, центром торговли с азиатскими странами была Астрахань, а предлагаемый им новый вариант пути к восточным рынкам был менее опасным, так как проходил через владения Младшего жуза, находившегося в подданстве России, к тому же этот путь позволял караванам ходить в летнее время, так как был обеспечен водой и дровами в отличие от пути из Астрахани, где из-за безводия в степи караваны были вынуждены передвигаться зимой.

Кирилов в проекте предлагает не откладывая собрать и отправить купеческий караван в Бухару, так как «чрез сей путь нужно сперва пройтить и дорогу узнать... В том караване... вместо шпионов человек двух или трех послать из ученых людей геодезии... хотя с малыми инструментами, нарядя их здесь в посацкое платье тайно... ехать до богатой Водокшанской земли, причем весь путь, и народы, и силу их описывать... у гор где лал и лапис лазоли и зеленой мрамор и золото берет побывать и с подлинною ведомостью возвратитца» [5, л. 67].

Таким образом, анализ проекта Кирилова по освоению Оренбургского края показывает, что он очень тщательно изучил все имеющиеся и доступные ему материалы. По мнению Р. М. Абзалова, при написании проекта Кирилов использовал сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым на территории Башкирии в 1725—1726 гг., содержавшие информацию о географическом положении, образе жизни, богатстве недр и занятиях населения [1, с. 25, 26], а также воспользовался «Запиской о башкирском вопросе в Российской империи», составленной казанским губернатором А. В. Волынским, в ней предлагалась программа мероприятий, «которые должны были способствовать наиболее успешному осуществлению колониальной политики царизма в Башкирии», в их числе строительство Закамской линии [там же]. Помимо этих источников Кирилов использовал документ, составленный сотрудником иностранной коллегии Алексеем Ивановичем Тевкелевым (настоящее имя — Кутлу Мухаммед Мамешев). Он в мае 1731 г. во главе посольства был направлен в киргиз-кайсацкую орду и после возвращения представил отчет «Всеподданнейшее предложение переводчика Мамета Тевкелева», содержание которого нашло отражение в проекте Кирилова [5, л. 124—127 об.].

И. К. Кирилов в качестве обер-секретаря Правительствующего Сената руководил работой геодезистов. Получая от них карты, он, несомненно, имел возможность использовать их при работе над проектом. Среди них составленная в 1723 г. геодезистом Исаем Крапивиным ландкарта Уфимского уезда, которая была представлена в Сенат и Камер-Коллегию [1, с. 24]. В донесении императрице Кирилов упоминает еще две карты — карту Алексея Писарева и Михаила Зиновьева, которые в 1731 году были вместе с А. И. Тевкелевым в «киргис кайсацкой и башкирской орде и первую карту в таком опасном народе учинили», и карту Якова Филисова, который «у зенгорских калмык тож сделал» [5, л. 107 об.].

Реакции со стороны правительства на представленный проект И. К. Кирилова не последовало, и в 1734 г. он подает в кабинет ее величества «Нижайшее представление и изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах» [5, л. 72—81 об.]. Этот документ по своему содержанию схож с предыдущим проектом, а некоторые цитаты из него Кирилов приводит дословно. В новом документе убедить царицу в необходимости освоения новых земель он пытается на примерах из истории, упоминая победы Александра Великого, освоение Сибири Ермаком, а также то, что «галанцы для своего интересу в Ост-Индии земли овладели, и славный город Батавию сделали, откуда богатства получают» [там же, л. 80]. «За что ж и России терять, — пишет он, — когда такой счастливой случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставать» [там же, л. 79 об.].

В результате усилий И. К. Кирилова 1 мая 1734 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ об организации «Известной экспедиции» (позднее названной Оренбургской) [там же, л. 82—82 об.]. Сам Кирилов был назначен начальником экспедиции и пожалован в статские советники. Позднее в письме к Э. Бирону из Уфы от 1 марта 1735 г. Кирилов писал, что 16 лет он вынашивал идею и план организации экспедиции, честь руководства которой была предоставлена ему [22, с. 109].

Начало деятельности «Известной экспедиции» открывало новый этап в истории освоения Оренбургского края. Перед экспедицией были поставлены разноплановые задачи, которые сводились к созданию условий для закрепления в российском владении вновь присоединенных к империи территорий, их освоение и вовлечение в экономическую жизнь государства.

Для решения этих задач следовало основать новый город-крепость на месте впадения реки Орь в Яик, который был назван Оренбургом. Он должен был стать новым центром экономических и политических связей со странами

Востока. Для привлечения населения и налаживания торговли с Индией и странами Центральной Азии городу были пожалованы большие привилегии [13], которые в 1736 г. продлили еще на шесть лет [14].

Для защиты юго-восточных окраин государства от набегов кочевых народов экспедиция должна была построить цепь крепостей по р. Яику и его притокам, создав тем самым новую укрепленную пограничную линию.

Поскольку огромные территории Южного Урала и киргизской степи были почти не изучены, в задачи экспедиции входило исследование его природных условий, полезных ископаемых, нравов и обычаев населяющих его народов, а также создание точных географических карт.

И. К. Кирилов собирался продолжить работу по уточнению геодезической основы и географического содержания карт атласа и Генеральной карты России. В донесении императрице он писал о желании «генеральную карту исправлять и к совершенству оную и атлас приводить, так как здесь при Сенате был, и отовсюду, где еще неверно длина и ширина снята или описана, домогался получать, а охота... принуждает сего не оставить, дабы после меня не было мне порицания, что зачал, да и кинул» [5, л. 106—106 об.]. Он просил разрешения иметь переписку с Академией наук и посылать геодезистов «из места в место, где будет нужда ту карту оканчивать... а особливо астрономические обсервации учинить, и по тем обсервациям сей зачатый атлас и генеральную верную карту оканчивать» [там же]. Императрица, придавая большое значение предстоящему делу, в указе от 31 мая 1734 г. удовлетворила его просьбу.

Для работы в экспедиции по описанию новых мест и составлению карт Кирилов пригласил самых опытных геодезистов.

Основная часть экспедиции во главе с И. К. Кириловым на 5 судах 15 июня 1734 г. отправилась из Санкт-Петербурга до Бронниц, откуда на лошадях проследовала до Москвы, куда прибыла 29 июня. В Москве Кирилов про-

должил снаряжение экспедиции. Набрав необходимых ему специалистов, закупив экспедиционное оборудование, получив снаряжение для воинских частей, он погрузил экспедицию на одиннадцать судов и 25 августа 1734 г. направился в Казань. В начале октября экспедиция была уже в Казани. Приняв здесь Пензенский полк и артиллерию, она отправилась далее санным путем и 10 ноября 1734 г. прибыла в Уфу, которая стала для экспедиции опорной базой. Всю зиму Кирилов в Уфе занимался административной работой и готовился к весеннему походу. Территория, на которой должна была развернуться деятельность «Известной экспедиции», включала главным образом башкирские земли, простирающиеся между реками — Иком на западе, Тоболом на востоке, Камой на севере и Яиком на юге.

В этот период в результате вхождения основной части Башкирии в состав России в 1555—1556 гг. она подвергалась активной колонизации. В 1586 г. началось строительство Уфы и сюда стали прибывать служилые люди. В качестве вознаграждения за службу они получали земли в окрестностях города, что вызывало недовольство среди башкир. По мере роста недовольства росло и число служилых людей, присылаемых в Уфу для ее обороны. Жалованная грамота, полученная башкирами в XVI в. от Ивана Грозного, закрепляла за ними право на занимаемую ими землю и обязывала платить ясак, но не спасала от русской колонизации. К концу XVI в. в окрестностях Уфы получены земли 193 русских служилых человека [8, с. 152].

Ведущую роль в хозяйстве башкир играло кочевое животноводство с сезонными меридиональными перекочевками на большие расстояния. Земледелием башкиры практически не занимались, хотя имели в достатке плодородные земли, которые они отдавали в наем пришлому населению — выходцам из Среднего Поволжья. Население северной и северо-западной части Башкирии жило оседло, поскольку лесная зона ограничивала возможность кочевания. Под влиянием соседних народов у них появляются зачатки

земледелия. Часть башкир перешла к оседлому животноводству, пушной охоте и бортничеству [8, с. 131, 329].

Превращение Урала в начале XVIII столетия в крупнейший промышленный район России обусловило характер и интенсивность социальных процессов, развернувшихся на его территории. Плодородные земли, богатые леса, судоходные реки и озера, изобилующие рыбой, привлекали сюда переселенцев из центральных районов России, которые самовольно занимали башкирские земли. Последовательное освоение горнорудных богатств и продвижение земледелия на юг Башкирии также явились причиной непрерывного притока сюда пришлого населения из Поморья, центральных губерний, Поволжья и других районов страны. Растущая колонизация вызывала трения между пришлым и коренным населением.

Башкиры неоднократно обращались по этому поводу к царю. В ответ на это царь Алексей Михайлович запретил переселение сюда из внутренних районов России, а башкир лишил права продавать их земли. Они могли отдавать ее только в «оброк» и только башкирам. Это не остановило переселенцев, многие из которых назывались башкирами ради возможности получить землю. Вопреки запретам царя и несмотря на беспокойную обстановку из-за вспыхивающих восстаний башкир, приток переселенцев не прекратился [2, с. 374—393]. Башкиры в очередной раз обратились в Сенат, «чтоб русских людей и иноверцев беглых, которые на их башкирских землях живут, насильно с тех земель выслать на прежняя жилища» [5, л. 245]. В ответ на это последовал указ императрицы от 31 мая 1734 г. о возвращении башкирских земель [12]. Разобраться на месте в этом вопросе было поручено И. К. Кирилову.

Появление на территории Башкирии экспедиции в сопровождении большого числа военных расценивалось башкирами как очередной этап колонизации. Узнав о намерении экспедиции строить крепости, заводы, вести разведку полезных ископаемых, переселять крестьян из централь-

ных губерний, башкиры решили помешать их осуществлению, так как все это неизбежно вело к дальнейшему изъятию их земель и смене привычного уклада жизни. Поэтому с началом деятельности экспедиции и без того беспокойная обстановка в Башкирии вновь обострилась.

Одна из задач экспедиции заключалась в том, чтобы построить на реке Орь город-крепость, а затем начать сооружение целой системы крепостей по реке Яик и ее многочисленным притокам вблизи северо-западных границ киргиз-кайсацких владений. 11 апреля 1735 г. экспедиция выступила в поход к реке Орь для строительства крепости. Выступление экспедиции из Уфы спровоцировало башкирское восстание, которое с небольшими перерывами продолжалось до 1740 г. Поэтому вместе с реализацией задач, поставленных перед экспедицией, Кирилову пришлось вести борьбу с отчаянным сопротивлением башкирского народа. Несмотря на это, он не отказался от своих намерений, и 15 июня экспедиция отправилась на юг вверх по долине реки Белой, затем вниз к урочищу Красная гора на Яике и отсюда вверх по его течению к устью р. Орь. Башкиры, сопровождавшие экспедицию, более удобный путь «умышленно потаили» [19, ч. 1, с. 171]. И когда Кирилов шел с командой к реке Ори для заложения Оренбурга, «будучи в сих горах (Губерлинских. — *Н. А.*) от крутостей и ущельев оных в переход чрез них имел такое великое затруднение, что большая часть артиллерии и тяжелаго багажа, преломавши колеса, и несмотря на большую тогда от Башкирцев опасность, принуждена была в разных ущелинах ночевать, и уже на другой день с превеликим трудом на степь выправилась» [там же].

Несмотря на все трудности, 15 августа при впадении Ори в Яик была заложена крепость. 16 августа 1735 г. Кирилов докладывал в Кабинет: «С порученною командою до Орь реки благополучно дошли и августа 6 числа в лагерь против устья Орскова стали разстоянием от Уфы по подлинной мере 500 верст, по обсервации северной ши-

роты 51 градус 11 минут... 445 верст до Ори реки ехали по горам, лежащим около речки Губерли и к Яику, сколь трудно было с тягостями перебиратца чрез высокия горы» [11, с. 497—498]. 31 августа 1735 г. был заложен и сам город Оренбург, но строительство его было отложено из-за разраставшегося восстания башкир. Гарнизон заложенной крепости перенес тяжелейшую зиму 1735—1736 гг., поскольку башкиры нападали на продовольственные обозы, направляемые в Оренбург. Гарнизон выжил лишь ценою отправки части людей в Сакмарский городок, куда из 773 человек дошли только 223, а остальные замерзли или погибли от голода [6].

При всей тщательности подготовки к предстоящей экспедиции знаний о территории «новой России» было все же недостаточно. Только в первом походе к Оренбургу Кирилов узнал от бывшего сакмарского атамана Арапова, «что река Самара, впадающая в Волгу, вершинами своими в самую близость к реке Яику подошла» [18, с. 23]. В связи с этим П. И. Рычков — бухгалтер экспедиции, впоследствии сыгравший важнейшую роль в освоении и изучении Оренбургского края, высказал предположение: если бы Кирилову было известно это раньше и он бы двинулся к устью Ори не из Казани на Уфу и далее через самую заселенную часть Башкирии, а на тех же судах, на которых прибыл из Москвы в Казань, пошел бы Волгою до города Самары, а затем по рекам Самаре и Яику до Ори, то, может быть, «от башкирцев замешательства и в том бы его предприятии такого затруднения, какое было, не последовало. Ибо с той стороны... не только путь весьма способный, но и башкирских жилищ в близости нигде б не было... Но при начатии великих дел всего вдруг предусмотреть не можно» [20, с. 223].

Волжские казаки еще в конце XVI в. освоили этот путь. Весной 1586 г. они в поисках нового пристанища в необжитых местах остановили свое внимание на реке Яик. Их отряд на речных судах двинулся вверх по реке Самаре. Дойдя почти до ее истоков, они переволокли свои струги в протек-

кавшую неподалеку речку Камыш-Самару, правый приток Яика. Проплыв вниз по Яику несколько десятков верст, нашли безопасное место [7, с. 18].

Работы по картографированию новых земель Кирилов начал с прокладки и съемки дорог, поскольку на начальном этапе деятельности экспедиции это было делом первостепенной важности. Оренбург, заложенный на юго-восточной окраине государства, на левом берегу Яика, был сильно удален от обжитых районов России и значительно выдвинут в киргиз-кайсацкие степи. Для снабжения города продовольствием, боеприпасами и обеспечения его роли будущего центра торговли со странами Азии была необходима хорошо функционирующая транспортная система, связывающая его с центральными областями России. Развитие дорожной сети было крайне необходимо и для освоения края. Об Уфимском уезде Кирилов писал: «Здесь меры верстовой нет, а считают езду днями» [11, с. 491]. Отсутствие путей сообщения на территории Башкирии и невозможность вследствие этого развивать рыночные отношения историк Оренбургского края В. И. Витевский называл в качестве одной из причин бедности крестьянских хозяйств, несмотря на плодородие и богатство здешних земель [2, с. 390].

Экспедиция испытывала острый недостаток в геодезистах и инструментах, о чем Кирилов неоднократно сообщал в Сенат. Основными инструментами геодезистов в то время были квадрант для определения широты места, астролябия для определения горизонтальных углов, мерные цепи и верстовые коляски, которыми измеряли расстояния (хотя чаще всего расстояния между населенными пунктами указывали в днях пути). В таких условиях создавались географические карты обширных территорий Оренбургского края и смежных областей. Однако, несмотря на тяжелейшие условия, в которых приходилось работать, экспедицией активно велись картографические работы.

Одним из результатов ее работы стала сводная карта Башкирии (рис. 1, вклейка), составленная геодезистом

Михаилом Пестриковым на основании работ других геодезистов. Она носит название: «План карта Уфимской провинции или всему башкирскому жилью и около онаго проложенной живой линии от Волги до Сибири на 1200 верст, также прежней земляной линии и протчему. Собирал с разных карт геодезии прапорщик Михаил Пестриков в Мензелинске 1736 месяца декабря» [16].

Эту карту, вероятно, можно считать своего рода отчетом о проделанной работе всей Оренбургской экспедиции с момента ее прибытия в Уфу в ноябре 1734 г., а поскольку она составлена «с разных карт», то и итогом всей ее картографической деятельности за этот период. Возможно, в этой карте использованы и результаты работы капитана Эльтона, который наблюдал в Уфе «прошедшее месячное затмение» и подал об этом рапорт в Академию наук. Кирилов в апреле 1736 г. писал о нем Корфу: «Хотя не имели действительных астрономических часов, однако уповаю, что длина того места вернее сыщется, нежели как прежде располагали. И когда по тому репорту исследуется, прошу... мне дать знать, дабы мог в Уфимской карте оную положить» [10, с. 62].

Особенностью этой карты является таблица условных знаков, что редко встречается на картах этого периода. Расположена она в нижнем правом углу под названием «Описание к ланд карте». Знаками на карте показаны старые города и «города или крепости ныне сделанные», т.е. заложенные при Кирилове, и крепости, которые «назначены и еще не сделаны». Подробно показаны проложенные дороги, а в описании указываются расстояния между населенными пунктами: «Дорога от Уфы к Оренбургу по которой шел Кирилов к Орь реке 500 верст».

Осенью 1736 г. Кирилов получил указ, касающийся башкирских волнений: «Хотя при нынешней турецкой войне в войске не без нужды, однако не меньше нужно и то, чтоб здешний домашний внутренний огонь был потушен как можно скорее...» [2, с. 150]. В ответ Кирилов доносил,

что все войско распределено на пять команд, так чтобы в будущем апреле можно было окружить башкир со всех сторон и привести их в полное подданство. Эти военные приготовления также нашли отражение на карте. Буквами на ней отмечены те места, где пяти «командам быть назначено будущей весною и в лето: 1. Главной бригадиру и лейб-гвардии майору Хрущеву с казанской стороны от Мензелинска к Уфе и Табынску литера Z...». На карте довольно подробно показаны гидрография, рельеф, границы соседних губерний.

После смерти И. К. Кирилова (14 апреля 1737 г.) Оренбургскую комиссию (так стала называться экспедиция) возглавил тайный советник Василий Никитич Татищев — знаток и любитель географии и картографии, который продолжил работы по картографированию края.

История географического и картографического исследования Оренбургского края заслуживает пристального внимания, так как в 30-е годы XVIII в. сюда переместился передовой край картографической науки России того времени. Историограф, академик, конференц-секретарь Академии наук Г. Ф. Миллер в середине XVIII в. писал: «Картография России благодаря мудрым распоряжениям Петра Велико-го чрез посылку по губерниям геодезистов и труды Оренбургской экспедиции приведена к такому совершенству, что почти уже мало к ним прибавления потребно, ибо и в чужестранных государствах, где науки уже чрез несколько лет процветают, чуть могут похвалиться таким прилежным рачением в сочинении своих ландкарт...» [21, с. 187].

Список использованных источников и литературы

1. Абзалов Р. М. История географического познания и картографирования Южного Урала и Приуралья в связи с хозяйственным освоением территории с конца XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 26 с.

2. Витевский В. И. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография. Т. 1. Казань : Типо-литогр. В. М. Ключникова, 1897. 616 с.

3. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. // Тр. Арх. АН СССР. М. ; Л., 1946. Вып. 6. 446 с.
4. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692—1780). М. : Наука, 1966. 264 с.
5. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
6. Дорофеев В. В. «Топография» П. И. Рычкова на немецком языке // Рычковские чтения. Оренбург, 1989. С. 65—67.
7. Зобов Ю. С. Древние обитатели приуральских степей // История Оренбуржья : учеб. пособие / под ред. Л. И. Фурорьянского. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1996. С. 5—20.
8. История Урала с древнейших времен до 1861 г. : учебник / А. А. Преображенский [и др.] ; под ред. А. А. Преображенского. М. : Наука, 1989. 608 с.
9. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1950. 380 с.
10. Материалы для истории Императорской академии наук. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1885—1900. Т. 3 : (1736—1738). 1886. II, 898 с.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидовой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 691 с.
12. ПСЗ. Т. IX, № 6581.
13. ПСЗ. Т. IX, № 6584.
14. ПСЗ. Т. IX, № 6887.
15. ПСЗ. Т. VIII, № 5704.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 192. Оп. 1, карты Оренбургской губернии, № 5.
17. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы. Д. 1.
18. Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750) / Издание Оренб. губ. стат. комитета ; под ред. и с примеч. Н. М. Гутьяра, секретаря Комитета. Оренбург : Типо-литогр. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 96 с.
19. Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1762. Ч. 1. 331 с. ; Ч. 2. 262 с.
20. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа : Китап, 1999. 312 с.
21. Старостин И. И. К двухсотлетию географического атласа 1745 года // Вопросы географии. 1946. Сб. 2. С. 179—187.
22. Фель С. Е. Картография России XVIII века. М. : Изд-во геодезической лит-ры, 1960. 226 с.